

— Евгений Федорович, в последнее время мы все чаще слышим, что российские музыканты выбирают постоянным местом жительства какую-нибудь европейскую страну либо США и неплохо там устроятся. Чем вы объясните свое нежелание следовать их примеру?

— Честно говоря, я не понимаю, почему русский человек по происхождению, мироощущению, получивший образование в этой стране, любящий ее и ее культуру, должен объяснять, почему он не бежит из своей страны. За свою жизнь я много всего повидал на Западе, многое приемлю и люблю в их образе жизни, отношении к работе. Но я никогда не идеализи-

рую себя единственным в своем роде. К сожалению, в последние годы я отлучен от него, и никакие приглашения в другие театры, включая Мариинский, который, по общему мнению, сейчас значительно интереснее Большого, не могут смягчить чувства горечи от невозможности переступить порог того Дома, которому было столько отдано...

— А как удастся содержать такой перwokлассный и дорогостоящий коллектив, как Госоркестр, в условиях гиперинфляции? Что-то не верится, чтобы ваши проблемы решались правительством...

— Что вы, нас даже в список особо ценных объектов культуры то ли позабыли вне-

ЕВГЕНИЙ СВЕТЛАНОВ: "Я СЧАСТЛИВ, ЧТО УСПЕЛ ВЫПОЛНИТЬ ВСЕ..."

Моск. консерватория. - 1993. - 28 дек. - С. 3.

зировал западное общество и тем более не искал возможности как-то пристроиться за рубежом. Хотя, как вы понимаете, такие возможности были.

— Но ведь вы работаете сейчас по контракту в голландском "Королевском Резиденц-оркестре"?

— Прежде всего я работал и работаю в Госоркестре Российской Федерации и только во вторую очередь я сотрудничаю с другими оркестрами. Среди них упомянутый вами "Резиденц-оркестр", лондонский оркестр "Филармония", Стокгольмский оркестр радио и некоторые другие.

— Как вы умудряетесь все это совмещать?

— Вы хотите сказать: в моем-то возрасте? Вы правы: совмещать становится все труднее, и одна из главных моих задач — избавляться от всего лишнего, оставляя только самое ценное, от чего я не смогу отказаться ни при каких обстоятельствах.

— Без чего вы не можете обойтись в своей дирижерской профессии?

— Без работы с возглавляемым мною почти 30 лет Госоркестром, без записей на лучших фирмах мира произведений тех композиторов, чья музыка особенно созвучна моей душе — Рахманинова, Скрябина, Малера (Чайковского я неоднократно записывал, последний раз все его 6 симфоний и ряд других произведений были записаны мною с Госоркестром летом этого года), без гастролей по всему миру, без оперного театра.

— Вы имеете в виду оперу как жанр или какой-то определенный театр?

— Я всегда любил оперу, но среди великопальных оперных театров мира — "Ла Скала", "Ковент-Гарден", "Метрополитен", Венской оперы — Большой театр был и остается для

меня единственным в своем роде. К сожалению, в последние годы я отлучен от него, и никакие приглашения в другие театры, включая Мариинский, который, по общему мнению, сейчас значительно интереснее Большого, не могут смягчить чувства горечи от невозможности переступить порог того Дома, которому было столько отдано...

— Как вы встретили свой 65-летний юбилей? Вы удовлетворены тем, что удалось сделать?

— Я счастлив, что успел выполнить все то, что я определил как главные вехи своей жизни еще много лет назад. Но если бы Богу было угодно продлить мои грешные дни... Я твердо знаю, что я еще мог бы сделать в музыке.

— Евгений Федорович, каковы ваши ближайшие творческие планы?

— В декабре-январе в рамках фестиваля "Русская зима" мы с Госоркестром дадим в Большом зале консерватории два концерта. Один будет называться "Три знаменательные даты уходящего года" и будет включать в себя "Остров мертвых" С.Рахманинова, романсы Э.Грига в моей оркестровке и вторую картину из балета П.Чайковского "Щелкунчик". Второй концерт будет целиком составлен из произведений Джорджа Гершвина. А в конце января мы вылетаем на гастролы в США.

Н.Н.